

Городские смуты и «прогресс»: возвращаясь к старым вопросам

Работая с материалами, связанными с политической историей Нидерландов XIV – XV вв., невозможно не задаться рядом вопросов, относящихся к городским восстаниям, попытаться выявить наиболее характерные их причины, провести некоторую классификацию. Знакомство же с работами коллег заставляет задуматься и над параллелями, которые вольно или невольно возникают при сопоставлении тенденций, характерных для Нидерландов, с реалиями других регионов Европы (хотя внешнее сходство само по себе может быть достаточно обманчивым). Вопросы, которые мне было бы интересно обсудить в рамках данного семинара, в большинстве своем уже задавались в историографии (иногда – неоднократно). Но их возникновение при появлении новых концепций и подходов в исторической науке и переосмысление, на мой взгляд, говорит о том, что они всё еще сохраняют свою актуальность.

Конец XIII – нач. XV в. – время частых и крупномасштабных городских восстаний в Западной Европе, в наибольшей мере ими затронуты Нидерланды и Италия. Хотя есть периоды, например, 1370-1380-е гг., когда волнения вспыхивают практически одновременно во многих точках Европы: Льеж, Гент, Флоренция, Париж, английские города во время восстания Уота Тайлера. Но насколько (при том, что в некоторых случаях, Гент – Париж, например, источники отмечают очевидное взаимовлияние) это явления одного порядка? Есть ли какие-то общие причины, которые вызывают «волны» восстаний в определенное время (М. Молла, Ф. Вольф; Ч. Тилли)?

Как отражаются эти смуты на развитии городских институтов? Привносится ли в их ходе что-то новое? Насколько глубоко изменяется система управления (включение представителей цехов – следствие социальных смут)? Или, наоборот, учитывая традиционные лозунги восставших о защите старинных вольностей и привилегий, они препятствуют неким новшествам? Что более характерно для развития структур управления городами: постепенная эволюция в ходе внутреннего развития, или опыт, полученный в периоды смут (м.б. сочетание этих факторов)? Насколько вписываются восстания в процесс политического диалога между различными силами в целом (теория П. Бликля)?

Если восстания, действительно, часто отражали происходившие социальные изменения, с чем связано то, что со временем их последствия становятся всё более неудачными для городов, позволяя правителям усилить в них свое влияние? Это характерно для Нидерландов XV-XVI вв., вплоть до событий, приведших к появлению Республики Соединенных провинций, и, как мне кажется, для Италии (при том, что первоначально роль сеньоров в этих регионах была разной). Насколько подобные тенденции характерны для других регионов Европы (сравнения с Италией очевидны и часты в историографии, но есть еще и имперские города)? Возможно (в случае с Нидерландами) это – скорее результат усиления позиций центральной власти в целом? Как это сочетается с популярной в современной бельгийско-нидерландской историографии теории о том, что в ходе городских восстаний в Нидерландах накапливался коллективный опыт политического сопротивления, который привел к появлению первой в регионе республики с доминированием купеческой элиты (В. Блокманс, М. Боон)?

Приводят ли к какому-то своеобразию разные причины, которые служат поводами к восстаниям? Фландрия, например, показывает (даже при рассмотрении только крупных смут) довольно большое разнообразие причин, которые могут их вызывать восстания, и их сочетаний:

- внутренние, типично городские социальные конфликты (события конца XIII – начала XIV вв., которые привели к попытке ввести во Фландрии прямое французское управление; Гентское восстание 1379-1385 гг.);
- межгородское соперничество (Гентское восстание 1379-1385 гг.);
- противоречия с сеньорами, как финансово-экономического, так и политического характера (практически во всех случаях);
- влияние внешних факторов (события конца XIII – начала XIV вв., «Восстание в Приморской Фландрии 1320-х гг., Гентское восстание 1338/1339-1345 гг.).